

Наука. Сибирское отделение, 1991. – 155 с.

Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 131 с.

MOTIVE OF MOVEMENT IN E.D. AIPIN'S "WAITING FOR THE FIRST SNOW"

The paper examines the motive of movement in "Waiting for the first snow" by the khanty writer E.D. Aipin. The story is analyzed systematically in ethnophilological aspect for the first time. We consider the motive of movement to be in connection with the plot, the system of characters and own vs. alien opposition. We consider the role of memories, actualizing the opposition of there vs. here, then vs. now.

Key words: motive; story; movement; folklore; opposition; E.D. Aipin.

УДК 821.161.1

ЛИЦО КАК ИНДИКАТОР АНТИПАТИИ В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»

К.С. Максютя

*Научный руководитель: Л.Б. Савенкова,
доктор филологических наук, профессор (ЮФУ)*

Статья посвящена невербальному выражению антипатии на лицах персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Проявление данного чувства рассматривается на примере двух персонажей – Осипа Штокмана и Федора Подтелкова. С помощью описания лиц Шолохов показывает, как проявляется антипатия, как ее считывают другие персонажи и как они реагируют на ее проявление.

Ключевые слова: Шолохов; антипатия; лицо; мимика.

Всю коммуникативную деятельность человека пронизывают эмоции и чувства. Поэтому неудивительно, что их отражение в языковой системе и выражение в речевых произведениях притягивает внимание лингвистов [см., например: Галкина-Федорук 1958; Берлизон 1973; Бабенко 1990; Шаховский 2008], которое поддерживается и усиливается тем, что в последние десятилетия в отечественной филологии одним из ведущих исследовательских принципов считается антропоцентризм.

В художественной литературе объектом изображения может быть как вербальное, так и невербальное выражение разнообразных психоэмоциональных состояний персонажей, их реакций на ситуацию, событие, собеседника и др. При этом у разных писателей может быть неодинаковым набор тех приемов прорисовки поведения действующих лиц, которые позволяют читателю получить портрет. Многие специалисты в области анализа художественного текста признают М.А. Шолохова мастером детали [см.: Трофимова 2009; Савенкова и др. 2015: 7–9]; представляется важным пронаблюдать, какие именно детали проявляются в шолоховском изображении как значимые для описания эмоциональных реакций и коммуникативного поведения его героев. Осознавая всю

сложность вопроса и не претендуя на изложение масштабных выводов, которые возможны лишь в случае досконального сопоставления манеры этого писателя с другими, в рамках настоящего исследования мы обратимся только к одному произведению – «Тихому Дону», а в нем – к приемам отображения невербальной составляющей только одного чувства-отношения – антипатии.

Для начала следует определить, что такое антипатия. «Философско-энциклопедический словарь» дает следующее определение: «Антипатия – это сложное чувство индивида, направленное на конкретное лицо (вернее – против него) и выражающее неуважение к объекту внимания. Она представляет собой сложное душевное состояние, как правило, субъективное в своей основе, отражающее болезненное самолюбие личности в непростых условиях межличностных отношений. Антипатия – это, пожалуй, единственный эффект, который свойственен всем без исключения людям, но в разной степени внешнего проявления» [Фролов 2000: 30]. В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой лексема *антипатия* включается в синонимический ряд с доминантой *неприязнь*, наряду со словами *неприязненность*, *нелюбовь*, *нерасположение*, *недружелюбие*, *недружелюбность*, *недоброжелательство*, *недоброжелательность* [Александрова 2001: 255]. Сюда же с пометой «устар.» включены слова *недоброхотство* и *зложелательство*, а в качестве хотя и не синонимичных, но очень близких отмечены *вражда* и *враждебность*. Думается, с научных позиций именно номинация *антипатия* оказывается наиболее общим маркером гаммы чувств, которые субъект испытывает в разных ситуациях по отношению к неприятному для него человеку. Антипатию, как правило, трудно скрыть, ее признаки в первую очередь отражаются на лице. Именно поэтому в поле зрения данного исследования были включены эпизоды с упоминанием лексемы *лицо*.

В целом на лицо как индикатор состояния человека М.А. Шолохов в тексте «Тихого Дона» обращает внимание читателя 363 раза. Конечно, на лице отражаются не только эмоции (233 контекста), но и физические/физиологические состояния или изменения (130 упоминаний), ср.: «Ты из *лица пожелтел*, Гришка... Ты либо хворый, либо... кокнут нынче тебя» [Шолохов 1985, т. 2: 52], «*исхудавшее* ее *лицо*» [Шолохов 1986, т. 4: 10]. Вид лица сигнализирует о возрастных изменениях («*постаревшего лица* его ни разу не освежила улыбка» [Шолохов 1985, т. 3: 58]), об этнической принадлежности («*нерусское лицо* Григория» [Шолохов 1985, т. 1: 342], «*татарским энергичным лицом*» [Шолохов 1985, т. 3: 71]). Однако сразу можно сказать: для писателя важнее сообщить о выражении лица и тем самым дать читателю ключ к пониманию психического состояния героя, поэтому в тексте преобладает

описание лица как индикатора психоэмоционального состояния персонажа. На лице выражаются страх, радость, печаль, злость и другие эмоции. Говорящий смотрит на собеседника, чтобы увидеть, демонстрирует ли тот согласие, заинтересованность, раздражение, скуку и др. По лицу он может понять, как относится к нему другой участник речевой ситуации, чего от него можно ожидать.

Рассмотрим наиболее яркие примеры изображения М.А. Шолоховым проявления антипатии между персонажами «Тихого Дона». Для этого обратимся к анализу ситуаций с участием Осипа Штокмана и Федора Подтелкова. Антипатия выражается на их лицах при столкновении с идейными противниками.

Поскольку участники акта коммуникации не только слушают реплики, но и наблюдают за глазами друг друга, М.А. Шолохов очень часто заставляет читателя обратить внимание не на лицо в целом, а именно на взгляд персонажа [см.: Жандарова 2013: 340]. Так, автор 7 раз подчеркивает, что Штокман смотрит *узко сведенными* глазами или *прищуренными* глазами. Показателен в этом плане эпизод обыска в квартире Штокмана. Невербальное поведение Осипа Давыдовича выдает очень высокую степень антипатии, переходящей во враждебность, по отношению к офицерам, производящим допрос: «Штокман *прищурил* левый глаз, словно *целясь*: – Все, что имеется, тут. – Врешь! – четко кинул офицер, помахивая книгой» [Шолохов 1985, т. 1: 215]; «– Я требую вежливого обращения, – договорил Штокман, *целясь прищуренным глазом офицеру в переносицу*. – Помолчите, любезный» [Шолохов 1985, т. 1: 216]. Свою антипатию по отношению к приставу Штокман демонстрирует с помощью взгляда. И это взгляд человека, готового к бою, *целящегося* во врага.

Далее следует сцена допроса Штокмана, на котором он использует коммуникативную тактику игнорирования собеседника. Штокман держится уверенно, спокойно, что можно понять по его не только вербальному, но и невербальному поведению. И снова внимание читателя сосредоточивается на взгляде как маркере антипатии. Однако характер ее здесь уже иной: Осип Давыдович понимает, что данную схватку он проиграл, ему уже незачем *целиться*, поэтому он демонстрирует антипатию-пренебрежение, не удостоивая пристава ни взглядом, ни ответом. Повествователь сообщает, что на вопрос следователя, почему он скрыл свое членство в РСДРП, «Штокман *молча смотрел выше следовательской головы*» [Шолохов 1985, т. 1: 216]. Тактика оказывается эффективной, антипатия – распознанной. Шолохов, правда, отмечает, что главным раздражающим фактором послужило отсутствие вербальной реакции: «Это установлено. Вы за свою работу понесете должное, – *взвинченный молчанием*, кидал следователь» [Шолохов 1985, т. 1: 216].

Штокман игнорирует не только вопрос, но и самого следователя, он смотрит как бы поверх следователя, тем самым давая ему понять, что собеседник для него не существует.

В следующем эпизоде завершающей частью ответа на реплику следователя Штокману служит лишь улыбка. Интересно, что автор не расшифровывает характера улыбки, заставляя читателя самостоятельно достраивать образ лица, которое посылает собеседнику сигнал: «Мне кажется, вы просто не имеете элементарного понятия... – Штокман в этом месте улыбнулся, и следователь, роняя разговорную нить, *докончил со сдержанной злобой*: – Просто не имеете здравого рассудка!» [Шолохов 1985, т. 1: 219]. Описание реакции следователя позволяет увидеть, что антипатия участников диалога взаимна, однако победа остается за Штокманом. Его улыбка – свидетельство осознания своего превосходства над полицейским, который, хотя и обретает над большевиком временную власть, не добивается от него признания, поэтому и произносит свою последнюю фразу *со сдержанной злобой*.

Показательными эпизодами использования детали «лицо» для указания на антипатию как тип отношения одного участника ситуации к другому являются также четыре эпизода с участием Подтелкова: эпизод на станции в Новочеркасске, куда Подтелков и Кривошлыков вместе с другими революционными казаками приехали на переговоры с каледицами, сцена переговоров с Калединым, расправа Подтелкова с Чернецовым и встреча Григория Мелехова с Подтелковым перед казнью последнего.

Первый эпизод предваряется описанием состояния неуверенности членов делегации в успехе ожидающихся переговоров. Радоваться им нечему, поэтому повествователь дает только один показательный штрих, давая читателю взглянуть на лицо Кривошлыкова: «Кривошлыков, застегивая ремень на шинели, *криво улыбнулся*: – Ну вот и приехали восвоясы!» [Шолохов 1985, т. 2: 213]. Кривая улыбка указывает на невозможность положительных эмоций, ведь предстоит встреча с врагами, которые в данном случае оказываются сильнее. Чувство антипатии по отношению к будущим участникам переговоров является в данном эпизоде обоюдным, отмечается у обеих сторон. Представитель Белого движения, которому поручено встречать делегацию, не скрывает своей антипатии к переговорщикам. И читатель вместе с ними сначала имеет возможность ощутить уверенность белогвардейского есаула в себе за счет обрисовки его общего облика, затем сосредоточивается на лице и ощущает на себе неприязненный взгляд вошедшего, наконец, дополняет впечатление за счет интонации: «В дверь без стука вошел *высокий, бравый есаул*. Он оглядел членов делегации *щупающими, злыми глазами*, с нарочитой грубоватостью сказал: – Мне поручено сопровождать вас»

[Шолохов 1985, т. 2: 213]. Именно наблюдение за лицом вошедшего позволяет осознать, что есаул испытывает резкую антипатию к большевикам: его взгляд обладает осязаемостью, повествователь называет глаза *щупающими*.

В эпизоде переговоров с Калединым М.А. Шолохов описывает представителей обеих переговаривающихся сторон. Каледин не отдает себя во власть эмоций, он только подчеркивает всем своим поведением уверенность в своих силах. Поэтому Шолохов описывает не его лицо, а осанку, позу, походку, властные жесты. Спокойствие атамана и психологическое давление, оказываемое множеством вопросов и восклицаний настороженно, а чаще и просто враждебно настроенных участников диалога, заставляет Подтелкова волноваться. Чем дальше тянутся переговоры, тем менее владеет собой Подтелков, тем более поддается он чувствам и тем сильнее проявляется у него антипатия к тем, кого ему не удастся склонить на свою сторону.

Об антипатии Подтелкова по отношению к атаману и собравшимся в зале повествователь сообщает читателю через изображение неестественного цвета его лица, характера взгляда и интенсивности голоса:

В зале ветровым шелестом пополз смех; раздались негодующие возгласы по адресу Подтелкова. Он повернул в ту сторону *разгоряченно-багровое лицо, выкрикнул, уже не тая горклой злобы*:

– Смеетесь зараз, а посла плакать будете! – и повернулся к Каледину, *брызнул в него картечинами-глазами*:

– Мы требуем передать власть нам, представителям трудового народа, и удаления всех буржуев и Добровольческой армии!.. А ваше правительство тоже должно уйти! [Шолохов 1985, т. 2: 219].

Шолохов сравнивает глаза Подтелкова к картечинами по цвету (черный) и по функции – убивать противника. Вспомним: Штокман в проанализированном выше эпизоде лишь *целился* глазами, Подтелков *брызнул картечинами-глазами*, желая убедить собеседника в своей решимости. Он искренне верит в дело партии и готов идти до конца.

На эмоциональный всплеск Подтелкова Каледин отвечает сдержанно, демонстрируя своим поведением контроль над ситуацией, последнее слово остается за ним: «Каледин устало нагнул голову: – Я из Новочеркаска никуда не собираюсь уходить и не уйду» [Шолохов 1985, т. 2: 219].

В следующей сцене с участием Подтелкова – сцене расправы Подтелкова над белогвардейским офицером Чернецовым – писатель рисует проявление взаимной антипатии участников ситуации. Столкнув идейных противников лицом к лицу, Шолохов показывает, до какой степени доходит антипатия классовых врагов: она выливается в

ненависть.

Сначала антипатия выражается только на невербальном уровне, причем в центре – дуэль взглядов, ведь Подтелков и Чернецов смотрят в лицо друг другу: *«Чернецов глядел на него, презрительно щуря светлые отчаянные глаза; вольно отставив левую ногу, покачивая ею, давил белой подковкой верхних зубов прихваченную изнутри розовую губу. Подтелков подошел к нему в упор. Он весь дрожал, немигающие глаза его ползали по изрытвленному снегу, поднявшись, скрестились с бесстрашным, презирающим взглядом Чернецова и обломили его тяжестью ненависти»* [Шолохов 1985, т. 2: 236].

Затем между героями начинается словесная перепалка, которая доводит обоих до эмоционального предела. К мимическим реакциям добавляется интонация и жесты, но именно лица продолжают приковывать к себе внимание читателя:

– Попался... гад! – *клокочущим низким голосом* сказал Подтелков и ступил шаг назад; *щеки его сабельным ударом располосовала кривая улыбка.*

– Изменник казачества! Под-лец! Предатель! – *сквозь стиснутые зубы* зазвенел Чернецов.

Подтелков мотал головой, словно уклоняясь от пощечин, – *чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух.*

Последующее разыгралось с изумительной быстротой. *Оскаленный, побледневший* Чернецов, прижимая к груди кулаки, весь наклоняясь вперед, шел на Подтелкова. *С губ его, сведенных судорогой,* соскакивали невнятные, перемешанные с матерной руганью слова» [Шолохов 1985, т. 2: 236].

В начале диалога мы видим, что взгляд Чернецова бесстрашный, презирающий, глаза отчаянные, под конец Чернецов теряет контроль над собой, который сохранял в начале разговора. Шолохов рисует его побледневшим, оскаленным, его губы сведены судорогой. Антипатия перерастает в гнев, который приводит одного из участников диалога к убийству другого.

Все увиденное надолго врежется в память Григорию, вызовет в нем неприятие происходящего вокруг: *«...не мог ни простить, ни забыть Григорий гибель Чернецова и бессудный расстрел пленных офицеров»* [Шолохов 1985, т. 2: 239]. В эпизоде казни самого Подтелкова Григорий встречается с ним *лицом к лицу*. Подтелков выражает свою неприязнь к Мелехову на невербальном (*«вкось улыбнулся Подтелков, с вспыхнувшей ненавистью глядя на его побелевшее лицо»* [Шолохов 1985, т. 2: 346]) и вербальном уровне: *«Что же, расстреливаешь братьев? Обвернулся?.. Вон ты какой»* [Шолохов 1985, т. 2: 236]. Улыбка Подтелкова косая, горько ироничная, выражающая презрение к адресату, взгляд, вспыхнувший ненавистью, усиливает эмоциональный посыл Григорию. В свою очередь, крайняя степень антипатии Мелехова к Подтелкову подчеркивается

указанием на его психофизиологическую реакцию, проявившуюся в изменении цвета лица. Об этом повествователь говорит дважды, сначала отмечая, что «синеватая бледность облила щеки Григория» [Шолохов 1985, т. 2: 346], затем, через фразу, указывая на побелевшее лицо и только потом описывая чувства персонажа через его жесты и интонацию.

Подытоживая исследование, можно отметить, что М.А. Шолохов дает читателю возможность присмотреться к персонажам, осознать их отношение друг к другу, демонстрируя отражение на их лицах как физического, так и психоэмоционального состояния. Изображение лица служит автору в первую очередь для передачи внутреннего состояния действующих лиц. Посредством детализации мимики он передает различные эмоции, чувства, отношения, в том числе и антипатию.

Список литературы

- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – М. : Русский язык, 2001. – 568 с.
- Бабенко Л.Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Свердловск : [б.и.], 1990. – 31 с.
- Берлизон С.Б.* Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии «язык – речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сб. науч. тр. – Вып. 2. – Новосибирск, 1973. – С. 89–97.
- Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 103–124.
- Жандарова Т.А.* Функции портрета в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (1). – С. 338–344.
- Савенкова Л.Б. и др.* «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М.А. Шолохова / Л.Б. Савенкова, Г.Ф. Гаврилова, В.М. Глухов, С.В. Коростова, Ю.С. Лычкина, Л.В. Марченко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2015. – 112 с.
- Трофимова П.В.* Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. : [б.и.], 2009. – 26 с.
- Фролов 2000 – Человек. Философско-энциклопедический словарь / общ. ред. И.Т. Фролова. – М. : Наука, 2000. – 516 с.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций : монография. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шолохов М.А.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 1–4 : Тихий Дон. – М. : Художественная литература, 1985–1986.

FACE AS AN INDICATOR OF ANTIPATHY IN M. SHOLOKHOV'S "QUIETLY FLOWS THE DON"

The paper deals with nonverbal expression of antipathy on the M.A. Sholokhov's "Quietly Flows the Don" characters' faces. We analyze two characters, namely Osip Shtokman and Fyodor Podtelkov. Using the description of the faces Sholokhov shows how their antipathy is manifested, how other characters understand it and how the latter react to the manifestation.

Key words: Sholokhov; antipathy; face; facial gesture.